

Е. И. Царенко

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ КЕЧУА**

Кечуа — крупнейшая индейская народность Америки, в 1975 г. численность ее достигала 13 млн. чел.¹ Индейцы кечуа проживают главным образом в Перу, Боливии и Эквадоре, где они составляют от трети до половины населения. Небольшие группы кечуа встречаются также в Аргентине, Колумбии и Чили.

Основная область обитания кечуа — Андское нагорье («сьерра»). Высокогорная область вокруг озера Титикака занята другим крупным индейским народом — аймара (около 2 млн.). В зоне тропических лесов к востоку от Анд («орьенте» или «монтанья») живут племена так называемых «лесных» индейцев, относящихся к языковым группам хиваро, сапаро, пано, тукано, аравакской, тупи-гуарани и др.² Испаноязычные перуанцы (6,8 млн.), эквадорцы (3,4 млн.) и боливийцы (2,1 млн.) сосредоточены преимущественно на побережье Тихого океана («коста»), а также в крупных городах нагорья.

Как известно, в андских странах понятия «индеец», «метис», «креол» и т. п. довольно условны, так как они имеют не только расово-этнический, но и культурно-социальный смысл³. Здесь широко распространены двуязычие и многоязычие в различных сочетаниях (кечуа-испанское, аймара-испанское, кечуа-аймаранское и т. д.). При этом язык кечуа является родным не только для индейцев, но и для многих метисов (в особенности низшей в социальном отношении метисной группы — «чоло»). Весьма далеко зашли также расовое смешение и взаимовлияние культур. Отсюда трудности при разграничении этнических групп и определении числа говорящих на том или ином языке. Поэтому приведенные выше цифры следует считать весьма приближенными.

Перед испанским завоеванием этноним «кечуа» (исп. *quechua*, *quichua*) относился лишь к одному из сравнительно небольших племен, проживавших в долине Куско. Словом *qhichwa* (диалектные варианты — *qhiswa*, *kichwa*) у аборигенов Анд обозначался определенный тип ландшафта — горные долины с умеренным климатом⁴. Себя же обита-

¹ С. И. Брук. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире. — «Сов. этнография», 1976, № 3. Другие данные о численности этнических групп заимствованы из этого же источника.

² См.: O. A. Shell, M. R. Wise. *Grupos idiomáticos del Perú*. Lima, 1971; H. Key. *Bolivian Indian tribes*. Norman, 1967; «*Studies in Ecuadorian Indian Languages*». Norman, 1962.

³ «Народы Америки», ч. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1959, с. 413.

⁴ E. M. Middendorf. *Wörterbuch des Runa-simi oder der Kechua-Sprache*. Leipzig, 1890. Примеры из языков кечуа и аймара здесь и дальше приводятся в фонологической транскрипции на основе нормализованного алфавита для этих языков. Фонетическое

тели этих мест называли обычно *гипа* (мн. число — *гипакипа* — «человек, люди», а свой язык — *гипа сими*, т. е. «человеческая речь») ⁵. И сейчас еще *гипа* употребляется главным образом в применении к «индейцам», т. е. социально-этнической группе, противостоящей креолам, метисам, чоло и др. Но в последнее время слово *qhichwa/kichwa* постепенно становится и самоназванием народа, соответственно и язык часто называют *qhichwa simi*.

Внешние связи языка кечуа

История народа и история языка тесно взаимосвязаны. Изучая пути развития любого языка, можно получить ценные сведения и об исторических судьбах его носителей. Если, например, обнаруживаются связи между теми или иными языками, то возникает вопрос и о соответствующих этнических связях, а также о возможных направлениях миграций этнических групп.

Уже давно предков кечуа пытались искать за пределами Американского континента. Так, в одной из своих проповедей, составленных на языке кечуа, испанский священник Фернандо де Авенданья излагает популярную в то время (XVII в.) точку зрения о происхождении индейцев от одного из «пропавших колен израилевых». Соответственно язык кечуа выводится из древнееврейского ⁶. В XIX и даже в XX в. некоторые авторы привлекали для сравнения различные языки великих древних цивилизаций — шумерский, египетский, семитские, санскрит и т. п. ⁷ Эти попытки носили дилетантский характер и не отвечают требованиям современной науки.

Сейчас, как известно, общепризнанной является теория азиатского происхождения аборигенов Америки. Отсюда интерес ученых к поразительному структурно-типологическому сходству языка кечуа с некоторыми языками Центральной Азии и Сибири. Кечуа относится к тому же агглютинативно-суффиксальному типу, что и так называемые «алтайские» языки — тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские. В этой связи был поставлен вопрос о соответствующих этногенетических связях ⁸. Приводились и конкретные доказательства. Так, известный лингвист К. Боуда обнаружил некоторое количество корней, похожих на кечуанские, в тунгусо-маньчжурских языках ⁹. Широкую известность получили исследования Ж. Дюмезиля, который выдвинул гипотезу об отдаленном генетическом родстве языков кечуа и тюркских ¹⁰.

значение некоторых символов: *ch*, *ll*, *p*, *y* — как в испанском; *w* — как в английском; *q* — глубокозаднеязычный (увулярный) смычный звук, встречающийся, например, в тюркских языках; *x*, *x'* (только в языке аймара) — заднеязычные фрикативные звуки; *h'* после согласных обозначают соответственно придыхательный и смычно-гортанный характер звуков (как в кавказских языках).

⁵ Ср. образованные по аналогичной модели названия языков аймара (*haqi agu*) и гуарани (*ava pe'ẽ*).

⁶ Текст проповеди содержится в кн.: *J. J. von Tschudi. Die Kechua-Sprache. 2-te Abt. Sprachproben*, Wien, 1853, S. 35—52.

⁷ См., например: *V. F. Lopez. Les races aryennes du Perou*. Paris, 1871; *R. Falb. Die Sprache der Inka in seiner Beziehung zu dem semitischen Sprachstamm*. Leipzig, 1883; *M. Desseljy. Le kichoua (langue des inkas) face a l'egyptien et le magyar*. — «XXVI congreso internacional de americanistas», v. 2. Sevilla, 1966.

⁸ *Л. И. Жирков*. Всегда ли случайно типологическое сходство языков? — «Вопросы языкознания», 1959, № 1; *B. Ferrario. La investigacion lingüística y el parentesco extracontinental de la lengua «Qhexwa»*. Montevideo, 1934.

⁹ *K. Bouda. Tungusisch und Ketschua*. — «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», Bd 110, H. 1, 1960. Этот же автор связывает язык аймара с кавказскими через посредство языковой группы соке-михе в Центральной Америке. См.: *K. Bouda. Aimara und Tschimu*. — «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», Bd 110, H. 2, 1960.

¹⁰ *G. Dumézil. Remarques sur les six premiers noms de nombre du turc et du quechua*. — «Studia linguistica», année VIII, № 1, Paris, 1954.

Из других языковых семей Старого Света внимание исследователей привлекала малайско-полинезийская¹¹. Интерес к кечуа-полинезийским связям оживился после путешествий Т. Хейердала¹².

Интересна этноисторическая классификация индейских языков, предложенная польским ученым Т. Милевским¹³. По особенностям звуковых систем в Америке выделяются два языковых типа, которые с учетом географического распределения языков названы «атлантическим» и «тихоокеанским». Для атлантических языков характерно разнообразие гласных и сравнительно малое количество согласных, для тихоокеанских — наоборот, простота системы гласных и обилие согласных, в частности — наличие звуков сложной артикуляции — придыхательных, смычно-гортанных, лабиализованных и др. К первым относится большинство языков народностей, обитающих в Южной и Центральной Америке, а также некоторые языки народностей Восточной части Северной Америки — алгонкинские, ирокезские, сиу, натчез-мускогские и др., ко вторым — в первую очередь языки народностей, живущих в областях, прилегающих к тихоокеанскому побережью Северной Америки, и некоторые языки народностей Центральной Америки (в том числе майя и юто-ацтекские). В Южной Америке этот тип представлен небольшим числом языков, в частности кечуа и аймара.

По мнению автора этой классификации, географическое распределение языковых типов отражает ранние этапы этнической истории Америки. Носители атлантических языков составили первую волну миграций из Азии. Тихоокеанский же языковой тип присущ второй волне переселенцев, которые появились в Америке относительно недавно, частично оттеснив «палеоамериканцев» к востоку. Т. Милевский обращает также внимание на типологическое сходство тихоокеанских индейских языков Америки с автохтонными языками Кавказа и Сибири. Как те, так и другие можно считать остатками языкового союза, сложившегося в глубокой древности где-то в Центральной Азии¹⁴.

Т. Милевский специально не касается носителей языков кечуа и аймара, но из его гипотезы вытекает, что их предки некогда образовывали авангард второй миграционной волны, тогда как племена на-дене — наиболее поздние пришельцы¹⁵. Следовательно, переселение племен протокечуа и протоаймара в Америку следует отнести к довольно раннему периоду, но в Южной Америке они должны были появиться сравнительно недавно.

Другие ученые ограничивали свои поиски пределами Нового Света. Так, Дж. Хэррингтон указывал на сходство между кечуа и калифорнийскими языками группы хока¹⁶. Своего рода «лингвистический мост» между Калифорнией и Андами образуют анклавные языки «хокоидного» типа — чонталь в Мексике, субтиаба в Никарагуа и юрумунги на тихоокеанском побережье Колумбии¹⁷.

¹¹ См. об этом: *D. E. Ibarra Grasso. Lenguas indigenas americanas. Buenos Aires, 1958*; *R. Dangel. Quechua und Maori. — «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1930, В. LX, Н. 4/5.*

¹² *И. К. Федорова. К вопросу о сходстве между языками кечуа, аймара и полинезийскими. — В сб. «От Аляски до Огненной Земли». М., 1967.*

¹³ *T. Milewski. Phonological typology of American Indian languages. — В кн.: «Etudes typologiques sur les langues indigenes de l'Amérique». Krakow, 1967.*

¹⁴ *T. Milewski. Językozawstwo. Warszawa, 1972, s. 154—157; ego же. Similarities between the Asiatic and American Indian languages. — «International journal of American linguistics», v. 26, № 4, 1960. См. также: *Н. Ф. Яковлев. Древние связи языков Кавказа, Азии и Америки. — «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. II, М., 1941, с. 196—204.**

¹⁵ В этой связи характерна гипотеза о родстве языков на-дене и сино-тибетских, выдвинутая еще Э. Сэпиром. См. также: *R. Shafer. Athapaskan and Sino-Tibetan. — «International journal of American linguistics», v. 18, № 1, 1952.*

¹⁶ *J. P. Harrington. Hokan discovered in South America. — «Journal of the Washington Academy of Sciences», v. 33, № 1, Menasha, 1943.*

¹⁷ *J. A. Mason. The languages of South American Indians. — В кн.: «Handbook of South American Indians», v. VI. Washington, 1950.*

Известный языковед, создатель метода глоттохронологии М. Свадеш объединил в большую семью кечуа-чон такие языковые группы Южной Америки, как кечуа, аймара, пукина-уру, пано, такана и чон¹⁸. Им же постулировалось родство кечуа с тараскским — одним из языков Мексики, который обычно считается изолированным¹⁹.

В последнее время известную популярность приобрела классификация языков Южной и Центральной Америки, предложенная Дж. Гринбергом²⁰. Большинство языковых групп и изолированных языков распределяются им между несколькими весьма крупными группировками — филами, внутри которых выделяется ряд более мелких генеалогических подразделений. Место языка кечуа в этой схеме определяется так: андо-экваториальная фила, андская ветвь, семья кечуа-аймара, подсемья кечуа. Другие члены андо-экваториальной филы — традиционно считающиеся независимыми семьи тупи-гуарани, аравакская, арауканская, чон, тукано, сапаро, хиваро, чапакура и самуко.

Наконец, авторы коллективной монографии «Сравнительные исследования по американо-индейским языкам»²¹ в своих обобщениях идут еще дальше. Они приводят доказательства в пользу изначального родства почти всех языков Северной и Южной Америки и даже реконструируют некоторые характеристики гипотетического «протоамериканоиндейского» языка.

В большинстве перечисленных работ содержатся интересные наблюдения, которые могут послужить стимулом к дальнейшим поискам. Но в то же время им свойственны и недостатки, характерные для некоторых исследований по малоизученным «экзотическим» языкам.

1. Нечетко разграничиваются типологические и генеалогические критерии. Сходство в общей структурной организации языков еще ничего не говорит об их генетическом родстве, если оно не подкрепляется созвучием основных корней и грамматических показателей. Можно привести массу примеров, когда даже близкородственные языки весьма далеки друг от друга по типу, а языки, совершенно разные по происхождению, входят в один и тот же типологический класс. В случае же с полинезийскими языками нет и типологического сходства²².

2. Там, где за основу берется критерий материального сходства, требования сравнительно-исторического метода все же соблюдаются не до конца. Как правило, игнорируется принцип регулярности звуковых соответствий; не всегда учитываются данные по истории отдельных языков. Это увеличивает вероятность случайных совпадений, особенно когда сравнивается большое количество языков.

Понятно стремление найти какую-то систему в «вавилонском столпотворении», столь характерном для языковой ситуации в Южной Америке. Но это не должно идти в ущерб строгости научных методов. Индейские, папуасские, африканские и т. п. языки функционируют и развиваются по тем же законам, что и индоевропейские или любые другие. Поэтому и принципы исследований для всех языков должны быть еди-

¹⁸ M. Swadesh. Mapas de clasificación lingüística de México y las Américas. México, 1959.

¹⁹ M. Swadesh. Un nexo prehistórico entre quechua y tarasco.—«Anales del Instituto nacional de antropología e historia», № 49 (1967—68), México, 1969.

²⁰ J. Greenberg. The general classification of Central and South American languages.—«Men and cultures. Selected papers of the 5-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences». Philadelphia, 1960.

²¹ E. Matteson (ed.). Comparative studies in Amerindian languages. The Hague — Paris, 1972.

²² Впрочем, соответствия типа кечуа — khumar и полинезийское — kumaga «батат» весьма любопытны и свидетельствуют в пользу каких-то случайных контактов между Полинезией и Южной Америкой.

ными. Выводы генеалогического порядка, получаемые при поверхностном сравнении языков, могут послужить хорошим ориентиром для дальнейших исследований, которые уже должны вестись на прочной филологической основе, с соблюдением всех требований сравнительно-исторического метода. Это относится, в частности, к языку кечуа, который к тому же не является ни «экзотическим», ни малоизученным. Пока же следует иметь в виду сугубо предварительный и условный характер всех «широких» классификаций индейских языков, а также различных гипотез об их внешних связях.

Кечуа-аймаранская проблема

Гораздо более реальны связи языка кечуа с другим автохтонным языком Андского нагорья — аймара. Близость грамматических и фонологических систем и общность значительной части словарного состава обоих языков очевидны. На этом основании некоторые авторы оперируют понятием «кечуа-аймаранской», или «кечумарской», языковой семьи как чем-то само собой разумеющимся. Это характерно, в частности, для большинства «широких» классификаций. Аргентинский ученый Х. М. Фарфан при помощи метода глоттохронологии подсчитал, что распад кечуа-аймаранского языкового единства должен был произойти около 3500 лет назад²³. К. Орт и Р. Лонгакр даже произвели реконструкцию «протокечумарского» языка-основы и вывели закономерные фонетические соответствия²⁴.

Однако есть и противоположная точка зрения. В качестве самостоятельных языковых семей кечуа и аймара выступают в классификации Ч. Лоукотки, которая вообще носит «консервативный» характер по сравнению с широкими классификациями²⁵. Осторожно высказывается о возможном родстве кечуа и аймара также Дж. Мэйсон²⁶. Остановимся подробнее на некоторых лингвистических фактах, относящихся к данной проблеме.

1. Словарные соответствия. Сходных или одинаковых корней в языках кечуа и аймара действительно много — до 1/4. Более того, часть их может быть отнесена к основному словарному фонду, как, например: «огонь» — и в том и в другом языках *piña*; «солнце» — *inti*; «воздух» — *wauga*; «озеро» — кеч. *qucha*, айм. *quta*; «рыба» — *challwa*; «имя» — *suti*; «палец» — кеч. *guk'ana*, айм. *luk'ana* и другие существительные, а также некоторые прилагательные и глаголы. Еще больше когнатов — это обозначения различных понятий материальной и духовной культуры, а также названия животных и растений: «родовая община» — *ayllu*; «господин» — *apu*; «рынок» — *qhatu*; «деньги» — *qullqi*; «хлеб» — кеч. *t'anta*, айм. *t'ant'a*; «тип рубашки» — *upku*; «кондор» — кеч. *kuntur*, айм. *kunturi*; «растение и цветок» — кеч. *hamanq'au*, айм. *amanq'au* и т. п. Впрочем, такого рода слова, как известно, легко переходят из одного языка в другой вместе с заимствованием соответствующих понятий.

Однако в целом основной словарный фонд кечуа и аймара представляется совершенно различным. Возьмем обозначения простейших, жизненно важных понятий:

²³ J. M. B. Farfan. Cronología quechua-aymara según el cálculo léxico-estadístico.— «Revista del Museo Nacional», t. 23, Lima, 1954.

²⁴ C. Orr, R. E. Longacre. Proto-Kechumaran.— «Language», v. 44, № 3, 1968.

²⁵ C. Loukotka. Classification of South American Indian languages. Los Angeles, 1968, s. 263—270.

²⁶ J. A. Mason. Указ. раб., с. 196—199.

	к е ч у а	а й м а р а
человек	gupa	haqi
рука	taki	amraga
голова	uma	p'iqina
мать	mama	tayka
земля	allpa	laq'a
вода	yaku	uma
гора	urqu	qullu
камень	rumi	qala
дерево	sach'a	quqa
луна	killa	phax'si
звезда	quyllur	wara-wara
день	p'unchaw	uru
птица	p'isqu	hamach'i
яйцо	runtu	q'awna
дом	wasi	uta

Такая же картина получается и при сравнении других существительных, а также прилагательных и глаголов.

Одной из существенных черт, указывающих на родство языков, должна быть общность таких разрядов лексики, как местоимения, числительные и служебные слова. Но как раз с этой стороны у кечуа и айма-ра меньше всего сходжений:

	к е ч у а	а й м а р а
я	ñuqa	paуа
ты	qam	huma
то	chay	uka
что	ima	kuna
кто	pi	khiti

Особо следует остановиться на числительных. Простые числительные выглядят так:

	к е ч у а	а й м а р а
один	huk	maуа/maa
два	iskay	paуа/paa
три	kimsa	kimsa
четыре	tawa	piqi
пять	phichqa	phisqa
шесть	suqta	sux'ta
семь	qanchis	paqallqu
восемь	pusaq	kimsaqallqu
девять	isqun	llallatunka
десять	chunka	tunka
сто	pachak	pachaka
тысяча	waranqa	hachu

Сразу же бросается в глаза совпадение многих обозначений чисел. Однако это первое впечатление не подтверждается при более тщательном анализе. В языке кечуа система счисления чисто десятичная, так как все числительные первого десятка здесь простые по структуре. В аймаранских же словах со значением «семь» и «восемь» выделяется общая часть — qallqu и начальные элементы, которые легко отождествляются с paуа «два» и kimsa «три». Это наводит на мысль о том, что qallqu — исконное аймаранское обозначение пятерки, так что paqallqu «семь» и kimsaqallqu «восемь» расшифровываются соответственно как 2+5 и 3+5. Числительное llallatunka — также сложное слово со значе-

нием «почти десять». Таким образом, в языке аймара явственно прослеживаются следы пятеричного счета, который впоследствии, очевидно, был заменен десятеричным. А это значит, что системы числительных в языках кечуа и аймара, несмотря на совпадение многих элементов, имеют различное происхождение.

2. Грамматика и фонетика. Как уже указывалось, грамматические системы кечуа и аймара весьма близки, иногда вплоть до мелочей. Однако близость эта носит в основном структурный характер, как и в случае с тюркскими языками.

Важнейшие грамматические показатели двух языков — падежные и притяжательные окончания имен, лично-временные окончания глаголов, подавляющее большинство словообразовательных аффиксов — в материальном отношении не имеют между собой ничего общего. Ср., например, притяжательные формы имени:

	кечуа	аймара
мой дом	wasi-y	uta-x'a
твой дом	wasi-yki	uta-ma
его дом	wasi-n	uta-pa

Несколько общих аффиксов (например, кеч.-гауки, айм.-лауки со значением «ради, для») лежат на периферии грамматической системы. Еще раз следует подчеркнуть, что структурно-типологический критерий не является решающим при установлении генетического родства языков²⁷.

Одним из главных аргументов в пользу кечумарской гипотезы считается почти полная идентичность звуковых систем кечуа и аймара. В частности, на фоне большинства языков Южной Америки, относящихся, как уже говорилось, к атлантическому типу, эти языки выделяются наличием в них ларингализованных (т. е. придыхательных и смычно-горланных) звуков, как, например, кеч. *tanta* «совокупность, вместе» — *thanta* «ветхий» — *t'anta* «хлеб».

Однако при этом упускается из виду, что звуки этого типа встречаются далеко не во всех кечуанских диалектах, а лишь в тех, которые соприкасались или соприкасаются с языком аймара — кусканском и боливийском. И если исконность ларингализованных фонем в языке аймара не вызывает сомнений, то для кечуа есть основания считать их вторичными²⁸.

Надо отметить еще одну особенность кечуа-аймаранских звуковых соответствий. Как правило, общие для кечуа и аймара лексические и грамматические элементы не просто более или менее похожи, но полностью идентичны как по значению, так и по звучанию (см. приведенные выше примеры). Но именно этот факт свидетельствует не в пользу происхождения их из одного источника. Как бы мы ни относились к гипотезе кечуа-аймаранского родства, совершенно очевидно, что это родство может быть только отдаленным. Если вслед за Фарфаном отнести начало распада «кечумарского» единства на 3500 лет назад, то естественно ожидать, что за столь длительный срок общие по происхождению формы обоих языков должны были бы существенно разойтись (ср. хотя бы такие близкородственные языки, как славянские). Полное же совпадение части корней при полном различии основной их части всегда является результатом заимствования. Таковы, например, отношения между персидским и арабским, японским и китайским и другими неродственными, но интенсивно контактировавшими языками.

²⁷ Поэтому неубедительны и выводы генеалогического порядка, полученные на такой основе, как это имеет место в работе: *Y. Lastra. Categorías posicionales en quechua y aymara.* — «Anales de antropología», t. 8, Mexico, 1970.

²⁸ *Е. И. Царенко. К вопросу о фонологической системе протокечуа.* — «Вопросы языкознания», 1974, № 4.

Таким образом, пока у нас нет достаточных оснований говорить об истинном генетическом родстве между языками кечуа и аймара. Возможно, какое-то очень отдаленное родство и существует, но доказать его строгими научными методами при существующем уровне наших знаний не представляется возможным. Поверхностное же сходство языковых семей кечуа и аймара скорее всего объясняется их длительным взаимодействием, в процессе которого образовался значительный слой общей лексики, сформировалась единая грамматическая модель и произошло выравнивание фонологических систем. Перед нами типичный случай языкового союза, т. е. языковой общности, возникшей в результате скрещивания и схождения изначально неродственных языков. Этот языковой союз можно назвать андским. Сближение языков кечуа и аймара зашло настолько далеко, что при благоприятных условиях можно было бы ожидать трансформации андского союза в некое подобие генетической общности²⁹.

Все это свидетельствует о длительности кечуа-аймаранских этнических контактов, что в свою очередь можно считать дополнительным аргументом в пользу андской автохтонности кечуа в обозримый исторический период.

Этапы языкового и этнического развития

Поскольку внешние связи языка кечуа мало что дают в этногенетическом плане, особую важность приобретает внутренняя реконструкция на основе сравнения его диалектов, изучения их развития и исторических связей. По основным особенностям лексики, звукового строя и грамматики обычно выделяют три диалектные группы³⁰.

1. Южная группа — диалекты Южного Перу и Боливии, а также прилегающих районов Аргентины. Это прежде всего диалект Куско, или кусканский, распространенный в перуанских департаментах Куско, Пуно и отчасти Апуримак. Говор г. Куско — древней столицы государства инков — считается наиболее чистым и образцовым. Другие члены южной группы — диалекты Аякучо (департаменты Аякучо, Уанкавелика и Апуримак), боливийский и Сантьяго-дель-Эстеро (одноименная провинция в Аргентине). К южной группе относится также «общий язык» (*lengua general*) Перу конца инкского и начала колониального периода (XVI—XVII вв.), в основу которого лег тогдашний говор Куско. Этот диалект называют еще «классическим инкским» или «имперским инкским».

2. Центральная группа — диалекты, распространенные в центральных департаментах Перу (Хуни, Анкаш, Лима, Уануко). Эту группу диалектов часто называют наречием Чинчайсуу — по названию провинции в государстве инков.

3. Северная группа — диалекты Эквадора и северных перуанских департаментов Кахамарка, Сан-Мартин, Амасонас и Лорето, а также диалект инга (<inka, т. е. «инкский») на крайнем юге Колумбии.

По традиционной точке зрения, вначале кечуазычные племена были сосредоточены в долине Куско³¹. Затем в ходе инкской экспансии язык

²⁹ По мнению некоторых специалистов, языковые семьи могут образовываться не только в результате дивергенции единого «праязыка», но и путем конвергенции изначально неродственных языков. См., например: *Н. С. Трубецкой*. Мысли об индоевропейской проблеме. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1; *М. С. Андронов*. О типологическом сходстве новоиндийских и дравидийских языков. — В сб.: «Лингвистическая типология и восточные языки». М., 1965.

³⁰ *B. Ferrario*. La dialettologia ed i problemi interni della runa-simi (vulgo quechua). — «Orbis», t. 3, № 5, Louvain, 1956; *G. J. Parker*. La clasificacion genetica de las dialectos quechuas. — «Revista del Museo Nacional», t. 32, Lima, 1963.

³¹ См., например, карту языков доколумбовой Америки в кн.: «Handbook of South American Indians», v. 6. Washington, 1950.

кечуа стал распространяться по всему Андскому нагорью, вытесняя и поглощая другие индейские языки. Эти местные языки послужили субстратом, на котором сформировались различные кечуанские диалекты.

Однако в последнее время успехи диалектологии (в частности, более углубленное знакомство с северными и особенно центральными диалектами) заставили усомниться в правильности теории, по которой все без исключения диалекты кечуа развились из одного источника, отождествляемого, по сути дела, с классическим инкским. С одной стороны, все северные и некоторые южные диалекты (Боливии и Сантьяго-дель-Эстеро) действительно можно представить как упрощенные варианты инкского. Но, с другой стороны, группа диалектов Чинчайсуйу отличается значительным своеобразием по сравнению со стандартным кусканским кечуа. Свообразны лексика и звуковой строй этих диалектов, а система склонения имен и особенно личные окончания глаголов не сводимы к соответствующим кусканским формам. Все это делает невозможным взаимопонимание между жителями Куско и, например, долины Кальехон-де-Уайлас в Центральном Перу. Поэтому есть все основания говорить не о едином языке кечуа, а о двух разных, хотя и близкородственных, языках. Г. Паркер предложил для них условные названия «кечуа А» (южные и северные диалекты) и «кечуа Б» (центральные диалекты)³². Что касается диалекта Аякучо, входящего в южную группу, то по ряду признаков он представляется более архаичным, чем соседний диалект Куско. В частности, исконной, а не вторичной чертой, по-видимому, является отсутствие в этом диалекте (как и в диалектах Чинчайсуйу) ларингализованных согласных. Все это свидетельствует о том, что процесс формирования кечуанских диалектов протекал не так просто, как это представлялось раньше.

Таковы основные итоги сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного изучения языка кечуа и его диалектов. Теперь можно сделать и некоторые выводы этногенетического порядка. Поскольку эти выводы основываются преимущественно на лингвистических данных, они, естественно, нуждаются в проверке и подтверждении данными исторических наук.

Итак, предположительно выделяются следующие этапы в историческом развитии языка кечуа, которые соответствуют определенным этапам в этнической истории Андского нагорья.

1. Задолго до инкской эпохи диалекты языка кечуа занимали обширные пространства, охватывавшие горную область Южного и Центрального Перу. Уже в то время выделяются два основных наречия — юго-восточное, локализуемое в районе Куско — Аякучо, и северо-западное в области Чинчайсуйу. На юго-востоке племена кечуа соприкасались с носителями языка аймара. Тихоокеанское побережье к северу от Лимы было занято языком мочика, или юнка, на котором говорило население «царства Чиму»³³. О языках Северного Перу и Эквадора нам известно немного; во всяком случае, лингвистическая карта этих мест, равно как и зоны тропических лесов к востоку от Анд, была довольно пестрой³⁴.

2. Затем некоторые юго-восточные говоры кечуа должны были испытать воздействие со стороны языка аймара. Возможно, это было связано с распространением культуры Тианаку. Следы аймаранской топонимики обнаруживаются по всей юго-восточной зоне, а к востоку от

³² G. J. Parker. Ayacucho Quechua grammar and dictionary. The Hague — Paris, 1969, p. 7.

³³ Недавно обнаружены любопытные параллели между языками майя, мочика и чипайя (боливийское нагорье). См.: L. R. Stark. Maya-Yunga-Chipayan: a new linguistic alignment.— «International journal of American linguistics», v. 38, № 2, 1972. Если гипотеза о связях этих языков подтвердится, то можно будет поставить вопрос и об этнических связях между создателями древних культур Мезоамерики и Перу.

³⁴ См., например: P. Rivet. Les langues de l'ancien diocese de Trujillo.— «Journal de la Société des americanistes de Paris», t. 38, Paris, 1949.

Лимы до сих пор сохранился небольшой анклав языка аймара — весьма своеобразный диалект *кауки*, или *хакару*³⁵. Неоднократно высказывалось и предположение о том, что инки по происхождению — одно из племен аймара, а таинственный язык инков, непонятный их кечуазычным подданным, был одним из аймаранских диалектов³⁶. В эту эпоху в составе юго-восточного наречия выделяются две его разновидности — аймаризованный диалект Куско и диалект Аякучо, в меньшей степени испытавший влияние аймаранского суперстрата.

3. Следующий этап связан с экспансией государства инков в XV—XVI вв. На всех завоеванных территориях инки вводили в качестве обязательного государственного языка говор столицы своей «империи Тауантинсу́йу» — г. Куско. Процесс кечуанизации различных индейских племен и народностей продолжался и после установления испанского колониального господства. Этому способствовала, с одной стороны, социально-экономическая политика колониальной администрации, а с другой — деятельность католических миссионеров, которые в качестве орудия религиозной пропаганды среди всех индейцев Тауантинсу́йу избрали язык кечуа³⁷.

Вытесняя и поглощая другие языки и диалекты, язык кечуа не мог не испытать интенсивных субстратных воздействий. Отсюда упрощенный, «пиджинизированный» характер северных диалектов. Значительная часть жителей провинции Кольясуйу, говоривших на языке аймара, также перешла на язык кечуа. Однако благодаря структурной близости между аймара и аймаризованным диалектом Куско последний на территории Боливии изменился не так сильно, как на севере. В качестве суперстрата, а затем адстрата диалект Куско должен был повлиять на автохтонные кечуанские говоры Аякучо и Чинчайсу́йу. В дальнейшем кечуанизация некоторых индейских племен могла происходить уже на базе вновь сформировавшихся диалектов. Так, в настоящее время северные говоры кечуа интенсивно проникают в район эквадорского Орьенте.

4. Наконец, современный этап в развитии языка кечуа характеризуется интенсивным взаимодействием с испанским языком. В связи с массовым двуязычием в кечуа проникает огромное количество испанизмов как лексических, так и фонетических и даже грамматических. Наиболее сильной испанизации подвергся боливийский диалект, особенно городские говоры Кочабамбы, Оруро, Потоси и др.³⁸ В свою очередь язык кечуа оказывает определенное влияние на разновидности испанского языка, распространенные в Андских странах³⁹.

В заключение следует остановиться на перспективах дальнейшего развития языка кечуа. В связи с крайне неблагоприятными условиями, в которых этот язык находился на протяжении последних четырех столетий, неоднократно высказывалось мнение о неминуемом и скором его отмирании. Сейчас уже можно сказать, что пессимизм авторов подобных высказываний был сильно преувеличен. С одной стороны, кечуа продолжает оставаться языком низших в культурно-социальном отно-

³⁵ M. J. Hardman. Jaqaru: outline of phonological and Morphological structure. The Hague — Paris, 1966.

³⁶ Боливийский ученый Э. Облитас Поблете видит остатки «тайного языка инков» в специфической форме речи, употребляемой членами корпорации бродячих знахарей, принадлежащих к этнической группе кальявайа (E. Oblitas Poblete. El idioma secreto de los incas. La Paz, 1968). Грамматика «языка кальявайа» кечуанская, однако почти все слова — неизвестного происхождения. Впрочем, это может быть и просто искусственный тайный арг, характерный для таких специфических социальных групп.

³⁷ Ю. А. Зубрицкий. Проблемы национальной консолидации кечуа. — В сб.: «Нации Латинской Америки». М., 1964.

³⁸ См., например: Y. Lastra. Cochabamba Quechua syntax. The Hague — Paris, 1968.

³⁹ Ю. А. Зубрицкий. Влияние языка кечуа на лексику испанского языка стран Андского нагорья. — В сб.: «Культура индейцев». М., 1963.

шении слоев населения, что, конечно, не способствует укреплению его престижа. Естественно, что в связи с включением индейцев в социально-экономическую и политическую структуру Андских стран, распространением грамотности и т. д. кое-где через стадию кечуа-испанского двуязычия постепенно происходит смена языка⁴⁰. Но в последнее время все больше дают о себе знать и противоположные тенденции, направленные к расширению сферы применения языка кечуа, который проникает в школу, прессу, радиовещание и даже в политику. Особенно знаменательно провозглашение кечуа вторым государственным языком Перу в июне 1975 г. Есть все основания думать, что еще долгое время этот язык будет служить основным средством общения для многомиллионных масс населения в странах Андского нагорья.

QUECHUA ETHNIC HISTORY: LINGUISTIC DATA

A brief introduction is followed by a survey of the principal viewpoints concerning links between Quechua and other languages. In the absence of reliable correspondences between Quechua and the various linguistic families in the Old and the New World hypotheses according to which the Quechua had their origin outside the Andean highlands cannot be sufficiently substantiated. The typological similarity in the structure of the Quechua and Aymara languages, as well as the considerable stock of common lexical elements, is due to continual contact rather than to their original relationship. The links between the different Quechua dialects reflect in their character the main stages in the ethnic history of the Andean zone. The dispersal of Quechua-speaking ethnic groups over a wide area must have been taking place long before the Inca period. In conclusion the author examines the contemporary linguistic situation in the Andean countries and the prospects of the further evolution of Quechua.

---

⁴⁰ Легче всего испанский язык утверждается в крупных городах, а также в небольших общинах, изолированных от основного массива говорящих на кечуа. См. об этом: X. Albo. *Los mil rostros del quechua*. Sociolingüística de Cochabamba. Lima, 1974; G. Taylor. *Le parler quechua d'Olto, Amazonas (Perou)*. Paris, 1975.